

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Қазіргі заманғы Қытайды зерттеу орталығы
Шығыстану факультеті

**ЖАҢАДАНУ
ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚЫТАЙДЫҢ
ТАРИХЫ, САЯСАТЫ ЖӘНЕ
ЭКОНОМИКАСЫ**

Алматы, 2015

УДК 327
ББК 66.4
Қ 22

Баспаға әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Шығыстану факультетінің ғылыми Кеңесінің, Қазіргі заманғы
Қытайды зерттеу орталығының шешімімен ұсынылды

Жалпы редакцияны басқарған

Н. Мұқаметханұлы т.ғ.д., профессор

Ғылыми ретокциясын қараған

С. Ж. Сапанов т.ғ.д., доцент

**Қ 22 ЖАҒАҢДАНУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚЫТАЙДЫҢ
ТАРИХЫ, САЯСАТЫ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАСЫ /Мақалалар/-
Алматы: «Мерей» баспасы. – 2015. – 316 бет (қытай зерттеу)**

ISBN 978-601-7478-03-2

**Бұл жинаққа республикалық конференцияға қатысушы
ғалымдардың баяндамалары мен арнайы мақалалары
топтастырылған**

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-601-7478-03-2

«Мерей» баспасы, 2015

МАЗМҰНЫ

Жұбагова Б.Н. Қытай және оның әлемдік, аймақтық ықпалы	6
Радченко М.В., Николаевская Ю.Е., Шайтанова Е.В. Росийско – Қытайское сотрудничество в контексте изменения международной обстановки	9
Панов А.И. Бизнес - образование Казахстана и России объединяет общность целей.....	20
Мұқаметханлы Н. Қытайдың Қазақстан және Орталық Азия елдерін зерттеу құрылымдары және зерттеу үдерістері	27
Сианов М.У. Казахстан – Китай: приоритеты сотрудничества	35
Алдабек Н.А., Бектурганова П.Е. Может ли китайская модель модернизации стать альтернативой Мэйнстриму?	40
Туркеева К.А., Бодаубаева Г.А., Межрегиональное сотрудничество национальных экономик Казахстана и Китая в контексте развития приграничных территорий	53
Радченко М., Николаевская Ю. Е. Китайская стратегия «Экономического пояса вдоль Шелкового пути» и ее значение в мировой экономической интеграции	63
Шайтанова Е.В. Сравнительная характеристика налоговых систем Российской Федерации и Китайской народной Республики	70
Сапанов С.Ж., Созакбаева Г. Орталық Азиядағы Қытай факторы	78
Раев Д.С., Махаммадулы Санжар Геополитический потенциал проекта Нового Шелкового пути: проблемы и перспективы	84
Болат Сайлан Қытайдың Орталық Азиядағы геосаясаты	94
Макашева К.Н., Изгаева А.А. Энергетические интересы Китая и вопросы сотрудничества в Центральной Азии	101

сомасы 46 млрд АҚШ доллары болып ұқсас мезгілдегіден 13,7 пайыз артқан, бұл сауда қарым-қатынасын алғаш орнатқан мезгілдегінің 100 есесіне барабар келеді. Биыл алдыңғы 8 айда Қытай мен Орта Азиядағы 5 елдің екі жақты сауда сомасы 32 млрд 400 млн АҚШ доллары болып, ұқсас мезгілдегінен 16,7 пайыз артқан. Қытай Қазақстан мен Түрікменстанның ең ірі сауда әріптесі, Өзбекстанның екінші ірі сауда әріптесі, Тәжікстанның үшінші ірі сауда әріптесіне айналды [5, 23-б.].

Қорыға айтқанда, экономикасы қарқынды дамып келе жатқан ҚХР-ге бүгінгі күнде ОА елдерімен өз қатынасын жүзеге асыруға уақыт келген секілді, яғни ол соңғы оқиғалар тізбегінде аймақты өзінің стратегиялық әріптесіне (геосаяси, әскери-саяси, экономикалық) айналдырғысы келеді. Және бұл желдегі Қазақстанның орны осынау процестердің алдыңғы қағарында секілді. ХХІ ғасырдың бірінші жартысында Қытайдың халықаралық мәні жаһандық саясат пен аумақтарда үстемдік жүргізуіндегі ерекше күшеюімен сипатталады. Орталық Азия бойынша Қытай Халық Республикасының АҚШ, Еуро Одақпен және Ресеймен қатар толық геосаяси күші ретінде болады.

Пайдаланылған деректер мен әдебиеттер

1. Тоқаев Қ. Қазақстан Республикасының дипломатиясы. – Алматы. – 2002. – 568 б.
2. Кәдірбаев А.Ш., Сыроежкин К.Л. Қытай және Орталық Азия: кешесі мен бүгіні // Ақиқат. – 1997. – №2. – 65-69 бб.
3. Сағидоллаұлы Қ. Орталық Азия Қытайдың көзірі емес // Айқын. – 2008. – 24 қаңтар.
4. Гаямова В. Қытайдың күшеюі және оның Қазақстанға салдары // Қоғам және дәуір. – 2005. – №2. – 4-8 бб.
5. Қытай және Орта Азия елдері Жібек жолы экономикалық белдеуін құрудың жобасы жөнінде ой тоғыстырды // Көрші, – №1. – 22-23 бб.

Макашева К.Н.
д.и.н., профессор КазНУ им. Аль-Фараби

Изтаева А.А.
магистрант, КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ И ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вопрос об энергетической безопасности развивающихся стран появился на рубеже XX-XXI веков и стал одним из важнейших факторов, влияющих на всю систему международных отношений.

Развивающаяся быстрыми темпами экономика КНР, его динамичная урбанизация и постоянный рост уровня жизни населения обуславливают потребности Китая в различных видах энергии, особенно это касается природного газа и нефтепродуктов. Согласно «Energy Information Administration (EIA)», потребности КНР в энергетических ресурсах возрастут на треть по сравнению с 2010 годом [1].

На сегодняшний день энергетическая безопасность Китая является одним из основных приоритетов его внешней политики по отношению к странам Центральной Азии и Казахстана. Интересы Китая к нефтегазовым отраслям стран Центральной Азии (ЦА) начались в середине 90-х годов прошлого века и поступательно растут до сих пор. Особое внимание Китая направлены на сотрудничество с Казахстаном и Туркменистаном как основными поставщиками нефти и газа в ЦА.

Интересы Китая к нефтяным ресурсам Центральной Азии связаны с Казахстаном, так как только эта страна ЦА располагает относительно высокими экспортными возможностями по нефти. Экспортные возможности остальных

государств региона по нефти и нефтепродуктам незначительны или вовсе отсутствуют.

Доля нефти в энергетическом балансе КНР составляет не менее 30%. Китай находится в жесткой зависимости от импорта нефти. В среднесрочной перспективе эта зависимость, скорее всего, будет только возрастать. Так, по данным Министерства природных ресурсов КНР, в 2009 году Китай добыл 189 млн. тонн нефти, а импортировал – 199 млн. тонн. По оценкам же Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, к 2020 году потребность Китая в нефти составит уже порядка 560-600 млн. тонн, а зависимость Китая от внешних поставок «черного золота» составит не менее 65%. Это означает, что КНР в 2020 году придется импортировать не менее 365-390 млн. тонн нефти.

Учитывая данные обстоятельства, Китай предпринимает все более активные усилия в плане закрепления на нефтяных месторождениях различных стран и регионов мира, в том числе и в Казахстане. Уровень китайского присутствия в казахстанской нефтегазовой отрасли уже гораздо выше российского. Так, по итогам 2012 года, китайские компании (в основном КННК/CNPC) добыли в Казахстане примерно 23 млн. тонн нефти, что составляет около 23% от общего объема нефтедобычи в республике, то есть, почти в 2,5 раза больше чем российские. После приобретения в Казахстане ряда активов в нефтегазовой отрасли и по итогам 2013 года, китайские компании вышли на уровень добычи в 25 млн. тонн нефти (около 27% от общего объема нефтедобычи в республике) [2].

Китай весьма привлекают запасы нефти ряда республик Центральной Азии, создается впечатление, что он считает их перспективнее российских. По имеющимся оценкам, нефтяные ресурсы Каспийского бассейна могут составить 200 млрд баррелей, хотя большинство промышленных аналитиков склоняется к более осторожной оценке — 90 млрд баррелей [3,4].

Нефтяная сделка между Китаем и Казахстаном, в рамках которой Китайская национальная нефтегазовая корпорация предложила более выгодные условия, нежели ее российским и

американские конкуренты, в том числе компании «Техасо» и «Амоко», замечательна во многих отношениях. В соответствии с условиями контракта Пекин получил право на разработку двух нефтяных месторождений (Актюбинск и Узень) в обмен на обязательство построить нефтепровод (протяженностью в 3 000 км) от этих нефтяных месторождений до Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а также нефтепровод (250 км) до границы с Ираном (через Туркменистан) [3].

Если рассматривать ситуацию в долгосрочной перспективе, то станет очевидно, что Китаю в первую очередь целесообразно завершить упомянутый проект с Казахстаном. Дело здесь прежде всего в том, что строящаяся магистраль сможет успешно коррелировать с долгоданной сетью нефтепроводов, которая в скором времени будет сформирована на территории КНР. Есть надежда, что с ее вводом в эксплуатацию появится реальная возможность решить хронические инфраструктурные проблемы, существующие в энергосистеме Китая, и сократить расстояние между нефтяными и газовыми месторождениями, расположенными в провинции Синьцзян на западе Китая, и основными потребителями в восточных и приморских областях страны [4].

Интересы Китая к газовым ресурсам Центральной Азии связаны в основном с Туркменистаном, так как только эта центрально-азиатская страна обладает высокими экспортными возможностями по газу и способна экспортировать большую часть добываемого газа. Экспортные возможности Узбекистана и Казахстана (по крайней мере, на современном этапе) по газу не велики, так как большая часть добытого газа приходится на внутреннее потребление. К тому же, значительные объемы будущего казахстанского и узбекского газового экспорта уже контрактованы российским «Газпромом». В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан не располагают промышленными запасами газа.

Более того и сама зависимость Китая от импорта газа представляется не существенной. Это связано с тем, что выработка электроэнергии в КНР осуществляется преимущественно на основе угля, доля которого в энергетическом балансе Китая

составляет порядка 64%, в то время как доля природного газа не превышает 3%. К тому же, в КНР есть немалые собственные запасы газа и в рамках программы газоснабжения страны китайское руководство предусматривает кардинальное наращивание объемов добычи собственного газа. Так, по данным Энергетического института при Госкомитете по делам развития и реформ КНР, за период 2000–2009 годы объем добычи газа в Китае увеличился почти втрое, составив около 13% [5].

По данным Международного энергетического агентства прогнозируется, что в 2020 году нетто-импорт газа в Китае будет не больше 30–40 млрд. кубометров, что даже меньше современных экспортных возможностей Туркменистана (около 60 млрд. кубических метров в год). В свою очередь, по ряду китайских экспертных оценок, в 2020 году КНР будет потреблять около 200 млрд. кубических метров газа, в то время как собственная добыча составит порядка 120 млрд. кубических метров. Следовательно, нетто-импорт газа в Китае к этому времени может достигнуть не менее 80 млрд. кубических метров в год. Причем, газ будет востребован преимущественно в юго-восточных промышленно развитых районах КНР [5].

Теоретически, Туркменистан к 2020 году смог бы удовлетворить и эти потребности Китая. Реальные же экспортные возможности Туркменистана представляются значительно выше данных показателей, учитывая открытые уже после обретения Туркменистаном независимости газовые месторождения. Однако усиление позиций Китая в Туркменистане представляется нежелательным с точки зрения долгосрочных и стратегических интересов России. Это объясняется тем, что РФ не в меньшей, а возможно и в большей степени, нежели КНР заинтересована в доступе к туркменскому газу. Поставки газа из Центральной Азии, которые осуществляются в основном из Туркменистана, уже играют заметную роль в обеспечении энергетической безопасности России, а в случае начала реализации промышленно-инновационного курса развития – значение туркменского газа только возрастает.

На данный момент нефтегазовый вектор для Китая

хоть и остается главным в энергетической и экономической политике в Центральной Азии, но тем не менее, некоторая диверсификация в экономической активности КНР в странах ЦА по отраслям экономик также имеет место. Среди отраслей ТЭК помимо нефтегазовой отрасли, китайские интересы в регионе в последние годы все больше затрагивают атомную энергетику непосредственно Казахстана и электроэнергетику четырех стран ЦА (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан), а также угольную отрасль Кыргызстана. В результате, экономическое влияние Китая в Центральной Азии постепенно распространяется уже и на Таджикистан и Кыргызстан, которые не имеют промышленных запасов углеводородов, а также на Узбекистан, который, обладает промышленными запасами нефти и газа, но не ориентирует свою политику на масштабное увеличение их экспорта.

С момента установления дипломатических отношений с Кыргызстаном Китай стал рассматривать эту страну в качестве стратегического плацдарма для торговой политики в Центральной Азии и на постсоветское пространство в целом. За рамками торговой сферы экономическое присутствие Китая в Кыргызстане пока в целом незначительно, а общие объемы китайских финансовых ресурсов в кыргызской экономике оцениваются в пределах от 160 до 180 млн. долларов из которых лишь крайне незначительная часть – около 5% приходится на отрасль ТЭК, включая около 120 млн. долларов кредитов и 40–60 млн. долларов инвестиций [6]. При этом финансовая активность Китая в Кыргызстане нацелена в основном на оказание технической помощи правительству республики и реализацию небольших по масштабам проектов в горнодобывающей и транспортной отраслях, а также в отрасли производства строительных материалов. Поэтому проекты в отрасли ТЭК носят единичный характер и не являются масштабными даже по центральноазиатским меркам.

Практически до середины первого десятилетия XXI века экономическое присутствие Китая в Таджикистане было минимальным, ограничиваясь периодическими поставками небольших партий китайских товаров широкого потребления.

Слабость китайско-таджикских экономических связей в 90-е годы и в начале первого десятилетия этого века в основном обуславливалась гражданской войной в Таджикистане в период 1992–1996 годов, а после этого – хрупкой внутриполитической ситуацией в стране: достаточно трудным и длительным процессом установления гражданского мира. Помимо этого, немаловажным фактором, осложнявшим развитие китайско-таджикских отношений, была географическая изоляция Китая и Таджикистана. Хотя республика и имеет общую границу с Китаем (более 500 километров), однако долгое время она была недоступной для развития тех же торговых отношений, так как проходил по высокогорной местности, где ранее отсутствовала транспортная инфраструктура. В результате транспортировка тех же китайских товаров в Таджикистан осуществлялась через территории других стран: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана [6, 7].

Более того, Таджикистан стал последней страной региона, с которой Китаю удалось прийти к соглашению по погранично-территориальным вопросам. По сути, лишь после этого стало возможным открытие в 2004 году первого контрольно-пропускного пункта «Карасу» и функционирование прямого автомобильного сообщения между двумя странами через перевал «Кульма». Одновременно с этим Китай стал предоставлять Таджикистану льготные кредиты, в первую очередь под закупку китайских товаров. Все это привело к кардинальной интенсификации китайско-таджикской торговли.

Наряду с интенсификацией китайско-таджикской торговли, мощный импульс получил процесс проникновения КНР и китайских компаний в различные отрасли таджикской экономики. Крайне показательно, что всего лишь за несколько лет, в период 2005–2009 годов китайский бизнес занял достаточно прочные позиции во всех ключевых отраслях республики, в том числе электроэнергетике. Причем Китай стал главным кредитором Таджикистана, существенно опередив международные финансовые структуры и другие страны. Решающую роль здесь сыграла уже апробированная тактика предоставления льготных кредитов на различные проекты,

имеющие важное экономическое и социальное значение. Данные кредиты, как правило, осваиваются китайскими же компаниями. Общие объемы китайских финансовых ресурсов в республике оцениваются в размере не менее 750 млн. долларов (где на отрасли ТЭК приходится около 44%), включая 600 млн. долларов кредитов, 50 млн. долларов инвестиций и 82 млн. долларов приобретенных активов) [7, 8].

На протяжении 90-х годов XX века и даже в первые годы XXI века Китаю по ряду причин в целом не удавалось экономически закрепиться в Узбекистане. Вплоть до 2002 года включительно китайско-узбекские экономические связи ограничивались преимущественно торговлей. Тенденция поступательного роста экономического присутствия Китая в Узбекистане наметилась только лишь после 2003 года [9].

Усиление китайского торгового присутствия в Узбекистане стало возможным, в первую очередь, благодаря осуществлению Китаем программы экспортного кредитования – предоставления целевых кредитов, которые используются для закупки китайских товаров и услуг. Одновременно с ростом объемов китайско-узбекской торговли стала просматриваться, и тенденция интенсификации проектно-инвестиционной деятельности Китая в Узбекистане.

Интерес китайских компаний фокусируется на целом ряде отраслей узбекской экономики, в первую очередь, отраслях ТЭК и смежных отраслях: нефтегазовой, электроэнергетической, химической. Общий объем китайских финансовых ресурсов в Узбекистане оценивается на уровне не менее 640 млн. долларов (из которых до 85% процентов приходится на отрасли ТЭК), включая 167 млн. долларов кредитов и 473 млн. долларов – инвестиций.

Таким образом, став в ближайшем будущем частью центрально-азиатской системы транспортировки, Китай в конечном счете получит стратегически важный доступ к ближневосточным ресурсам. Посредством этих двух звеньев, начинающихся на Ближнем Востоке и идущих далее через Каспийский регион до Центральной Азии, а от нее — до Китая, КНР может стать своеобразным связующим узлом между нынешними и

потенциальными поставщиками.

Список литературы:

1. (EIA) Energy Information Administration. World Energy Outlook 2013.
2. Тажин М.М. Энергетическая безопасность - ключевой фактор стабильности международных отношений// kazenergy.com/content/view/359/66/lang,ru
3. Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. - М.: . - С.11
4. Engdahl F.W. The Energy Game: China Looking for the Breach Encircled by the U.S. // Asian Times (China), 6 January 2012.
5. Гирич Л. Китай: темпы рост и перегрев экономики// Обозреватель. - 1993. - №4. - с.7
- В.Парамонов, А.Строков, О.Столповский «Экономическое присутствие Китая в Кыргызстане» Часть 1.// <http://ceasia.ru/ekonomika/ekonomicheskoe-prisutstvie-kitaya-v-kirgizstane.-chast-1.html>
- В.Парамонов, А.Строков «Центральная Азия и Энергетика»// <http://ceasia.ru/energetika/energeticheskaya-politika-rossii.html>
6. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений. Парамонов В.В./ Великобритания, Май 2005, С. 22-47 (русская версия)
- В.Парамонов, А.Строков, О.Столповский «Экономическая политика Китая в Узбекистане»// <http://ceasia.ru/ekonomika/ekonomicheskaya-politika-kitaya-v-uzbekistane.html>

Серикалиева А.Б.
PhD, старший преподаватель кафедры китайведения КазНУ им. аль-Фараби,

Темешев А., магистрант 2 курса кафедры китайведения КазНУ им. аль-Фараби, Алматы

ПУТЬ КИТАЯ ПО ВХОЖДЕНИЮ В ВТО: ОПЫТ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Несмотря на бурный экономический рост, вследствие поступательной политики реформ и открытости, Китай все же позиционирует себя в качестве развивающегося государства, и в действительности является таковым. Вступив в ВТО относительно недавно в 2001 году, Китай включился в мировой торгово-экономический процесс. Казалось бы столь длительное отставание от стран Запада в вовлеченности в мирохозяйственные связи заведомо обрекло Китай на отсталость, неконкурентоспособность и все те, предубеждения и опасения, которых так боятся многие страны, специально откладывая свое вступление в ВТО. Однако Китай именно благодаря ВТО смог урегулировать свои международные торговые отношения, успешно включиться в глобализационные процессы, а на сегодняшний день является активным архитектором мирового глобального экономического и политического процесса. Казахстан также относится к развивающимся странам и пока не получил членство в ВТО. Довольно позднее, однако успешное и результативное вхождение Китая в ВТО может являться Казахстану примером: ввиду сходства государств по вышеуказанным параметрам.

По теории взаимозависимости зависимость государств друг от друга может нести краткий и долгосрочный характер. Взаимозависимость происходит от возможности получения преимуществ в результате сотрудничества, роста благосостояния партнеров. Благополучия и особенные возможности его